

Не уходи

— Помогите Утесову. Вечером концерт, а у него мокрые ноги.
По-моему, именно тогда мы ощутили связь наших душ и еще что-то такое, что обрушилось на нас как наваждение. Уже потом он сказал мне: «Тоня, это было какое-то безумие, но, по-моему, оно не прошло».

— Тоня, а кого из актеров он любил?

— Он обожал Ф. Г. Раневскую. «Что за женщина! Что за гениальная актриса!» — это его слова. И досадовал: «Как же она живет? Не дом у нее, а проходной двор. Приходят какие-то люди... объясняются ей в любви, садятся без приглашения за стол. Она же беззащитное существо!».

Однажды после спектакля «Дальше — тишина» он даже плакал. И написал ей письмо: «Вы — чудо-актриса. Вы заставили меня плакать, как ребенка, который потерял дорогую ему мечту и вдруг... обрел ее вновь. Спасибо Вам за все! Спасибо за то, что Вы живете! Спасибо за то, что творите!».

— Тоня, я где-то читала, что Л. О. был дружен с М. М. Зощенко. Как он себя вел в тяжелое для Мих. Мих. время?

— Когда Зощенко обливали помоями, то многие старались быть подальше от него. Мы как раз приехали в Ленинград. Я помню, что Л. О. вошел в номер и, не раздеваясь, ки-

просить, то вырази просьбу через рисунок». А мне как раз очень хотелось, чтобы он написал рецензию на концерт молодого тогда Иосифа Кобзона, которого мы сразу полюбили. Ну я и изобразила себя на коленях. Утесову очень понравился этот рисунок, и он сразу сел писать статью, тем более что ему самому очень хотелось это сделать.

— Расскажите, пожалуйста, о последних годах жизни Леонида Осиповича.

— Мой муж Валентин Новицкий умер в 1974 году. Сестра и родственники стали меня звать к себе в Воронеж. Я решила: как скажет Л. О., так и сделаю. Сообщаю ему, что меняюсь на Воронеж, а он вдруг: «И правильно делаешь. Надо жить с родными людьми». У меня аж сердце зашло: я так надеялась, что скажет другое — ты мне нужна, не уезжай. Я уехала. А через какое-то время звонок: «Приезжай немедленно». Я приехала. Живу у него. Проходит месяц, и он говорит: «Теперь у тебя квартиры нет, уходи тебе куда-то, вот и живи рядом со мной». Прошло еще две недели, и он мне говорит: «Я хочу, чтобы и после меня ты осталась здесь хозяйкой. Я боюсь за тебя. Давай расписывайся!».

— И вы согласились?

— Да. Из ЗАГСа по его просьбе пришла женщина. Оказалось — его поклонница. Она встала перед ним на колени и поцеловала край халата. Сказала, что обожала его всю жизнь и что завидует мне. Когда оформляли бумаги, она спросила меня: какую фамилию я беру. Я ответила: «Свою — Ревельс». Ему это понравилось.

— А как он был последнее время?

— Когда перестал выходить на сцену, то очень полюбил слушать пластинки со своими записями. Это был целый ритуал: он брал пластинку, рассматривал ее, бережно вытирал рукавом своего любимого полосатого халата и аккуратно ставил на проигрыватель. Слушал часами. Лицо у него в это время было какое-то просветленное...

Он часто хандрил. От хандры уходил в поэзию. Стихи он читал прекрасно и знал их великое множество. Он не выносил одиночества и не любил, когда я куда-то выходила. Особенно он был тревожен ночами. Просил меня что-то почитать, рассказать. Я пересказывала, что помнила, из Чехова, Куприна, Пушкина, его любимого Лермонтова...

— А друзья бывали в вашем доме?

— Бывали, каждый день приходил А. М. Эскин, сейчас со мной близки М. В. Мироннова, И. Д. Кобзон. Я тебе скажу: жизнь наша была трудная, но чистая и честная. Нам стыдиться нечего. Когда он, беспомощный, одинокий, позвал меня в свой дом как хозяйку — это был естественный финал наших долгих отношений.

А потом... Леонид Осипович уехал в военный санаторий «Архангельское». Я каждый день бывала там. Однажды вернулась — звонок: «Приезжайте, он в реанимации, и надежды нет».

Меня к нему пустили на 5 минут. Лежит весь в проводах, каких-то трубках, но улыбается. «Как хорошо, что ты вернулась. Давай разговаривать. Как там Саша Менакер?» Я говорю: «Хорошо, уже поправляется». (А Александра Семеновича уже дня два, как похоронили!). «Ты выучила, — спрашивает, — слова по-еврейски, что я тебя просил?» — «Выучила». — «Скажи». — «Вус ис цидус на иберек».

— Что это значит?

— «Все что много, то лишнее». Потом говорит: «Почитай Лермонтова. Я начала: «Когда волнуется желтеющая нива». Прочла. Он говорит: «Иди. Через 2 дня меня выпишут».

Я вернулась домой, а в 7 часов позвонили. Последние его слова были: «Ну, все!». Сейчас я закончила воспоминания о нем. Они войдут в сборник «Рядом с Утесовым». Мне помогала Л. Булгак. С этой журналисткой Л. О. работал над своей книгой «Спасибо, сердце».

— Л. О. писал стихи. Почитайте, что помните.

— Проходит все, я это твердо знаю. И радости, и горести, как мимолетный сон. Я в зеркало гляжу и наблюдаю Неумолимый времени закон. Он бороздит лицо, меня очертанья, Он серебрит виски порошей седины, Сурово брови соединены, глаза уже не те, но те еще желанья.

Беседовала Галина ЗАМКОВЕЦ.

Леонид УТЕСОВ:

Всего выпусков - 1982 - 12 номеров - с. 7

"Вот и живи рядом со мной"

«Ночь. Огромный номер. Один. Грустно и одновременно тепло на сердце от сознания, что ты у меня есть, хоть далеко, а есть».

Пишу, а сердце замирает, когда представляю себе тебя! Хочется подойти, обнять тебя и целовать, говорить тебе ласковые слова. Увидеть твоё улыбающееся лицо. Знаешь, какое? Такое, какое бывает у тебя, когда мы где-нибудь одни или среди хороших людей. Любимая, мне так не хватает тебя, что передать я не в силах».

Это письмо писал очень молодой человек, но сколько в этих строчках нежности, любви, тех самых слов, которых нам, женщинам, сейчас так не хватает. Авторство принадлежит Л. О. Утесову. То, что мы сегодня публикуем это сугубо личное письмо к женщине, которую он любил и которая долгие годы была его другом и последнее время женой, не обижает ничью память.

Леонид Осипович был женат дважды. 49 лет он прожил с Еленой Осиповной. Это был счастливый брак, и он очень тяжело переживал ее уход из жизни. Второй женой Утесова стала Антонина Сергеевна Ревельс.

Я не первый раз в гостях у Антонины Сергеевны. В этой квартире на Каретном, куда Утесов переехал после смерти Елены Осиповны. В этом же доме на третьем этаже жила его дочь Эдит. Сейчас здесь в атмосфере памяти, в мире старых фотографий живет Антонина Сергеевна, которую все друзья называют просто Тоней, Тонечкой.

— Тоня, расскажите, как вы познакомились с Леонидом Осиповичем.

— Я была в него влюблена с 12 лет, и это неудивительно — в нашей стране, по-моему, тогда вообще не было женщин, не влюбленных в Утесова и в его Костю Потехина из «Веселых ребят». А история нашего знакомства восходит к 1945 году. В эвакуации мы с мужем Валентином Новицким оказались на Дальнем Востоке, где работали в театре оперетты. После войны засобирались домой в Киев. Нас дирекция не отпускала, и тогда мы решили бежать. Я взяла справку, что мы с Валей едем на гастроли (у нас было 4 свободных дня), и мы удрали. И вот когда в поезде наши документы проверил военный патруль — тогда все было очень строго, — я предъявила эту справку и соврала, что мы едем на конкурс в джаз Л. Утесова.

Бог его знает, почему я тогда так сказала. Но это-то и помогло: Утесова так любили, что одно упоминание его имени действовало на людей, как заклинание.

В Москве до нашего поезда в Киев было несколько часов, и мы решили зайти в Моззстраду. Тут все и началось. Как в сказке! Кого мы только не встретили: Смирнова-Сокольского, Мироннову и Менакера, Гаркави, Набатова и, конечно, Утесова... Судьба — она судьба! Пока я лихорадочно соображала, как мне подойти к нему, подлетает один приятель и говорит: «Ребята, хотите с Утесовым познакомиться?». Подошли мы к Л. О. Он снял шляпу и подал нам руку, поинтересовался, куда мы едем. Я от волнения уже отошла и говорю: «Мы хотели к вам в джаз, Л. О., а если не к вам, то уедем в колхоз». — «Ну зачем же в колхоз, у меня сейчас как раз нег танцевальной пары. Только я хотел бы вас посмотреть».

Помню, вылетела я на сцену, даже тела своего не чувствую... нет его... одно дыхание. Закончили первый танец, я бегу переодеваться на второй. И... вдруг дверь распахивается и появляется сияющий Утесов: «Дорогие мои, вы мне очень понравились!».

— И сколько лет вы проработали в его коллективе?

— Без малого 20 лет.
— А как вас приняли?
— Строго. И без курьеза не обошлось.

Помню, ко мне подошел директор, некто Рахлин, и говорит: «Упаси вас Бог завести здесь какие-то амуры. Не думайте с этими группами лезть к Утесову, а то уволю сразу».

— Сколько вам тогда было лет?

— Да где-то 20 с лишним уже.

— И что вы решили?

— Обходить Утесова стороной. Мы с Валей гримировались и одевались где-нибудь в самом укромном месте. Там же отсиживались до своего выхода. Если мы видели Утесова на улице, то тут же переходили на другую сторону. В общем, бегали мы вот так почти месяц.

— А он что — не замечал вас совсем?

— Как оказалось, наоборот: его удручало, что мы так сторонимся его. И вот однажды — мы тогда были на гастролях в Ленинграде и жили в «Европейской» — «втихую» жарила котлеты в номере на плитке... Вдруг стук. Я испугалась, думала кто-то из гостиничного начальства. Стук повторился. Открываю дверь, а на пороге Утесов. Прошел, сел за стол. Серьезный такой: «Я хочу знать: почему вы от меня бегаеете?». Нам ничего не оставалось, как рассказать ему о наших страхах потерять работу. Ох, и смеялся он тогда! Потом стал приходить каждый вечер. Я старалась приготовить что-нибудь повкуснее. Уже стала ждать его.

— Тоня, а вы можете рассказать какой-нибудь особенно памятный для вас эпизод из тех лет?

— Он очень любил бывать в Ленинграде. Какой воздух весной в этом городе! Однажды собрались на прогулку — Леонид Осипович очень любил эти вечерние прогулки по городу, — а Елена Осиповна отказалась. Мы оказались вдвоем. Дошли до Зимнего, и вдруг какая-то сила заставила нас взяться за руки и спуститься на лед. Лед казался сказочно прекрасным. Никого... кроме нас! У меня внутри все ликовало. Я запела «Весну» Грига. Леонид Осипович подхватил, и вот мы уже поем вдвоем...

Ах, какое это было удивительное состояние! Ледяное пространство Невы тянуло нас вперед, вперед... Не разнимая рук, мы двинулись к Петропавловской крепости, скользя по льду, и вдруг увидели, что те метры, что мы уже прошли, залиты водой. Завороженно смотрели мы, как вода заливают наши следы, словно отнимая всякую надежду на возвращение. Утесов побледнел... Молча, мы двинулись вперед. Л. О. утешал меня, что-то говорил, а я-то все думала о том, что у него мокрые ноги и что вечером ему петь, а вода ледяная.

Тогда мы были чем-то единым: не было его, не было меня... были Мы. Не знаю, как и выбрались. Это Бог нам помог. Когда оказались на берегу, я бросилась к дороге и подняла обе руки: машина остановилась сразу.

нужся к телефону: «Миша, я в Ленинграде и очень тебя жду, приходи немедленно». Зощенко пришел. Он был плохо одет и очень худ. Когда Утесов его обнял, он все повторял: «Как ты не побоялся? Как ты не побоялся?». И еще: «За что? За что?». Мы все вместе обедали, и Леонид Осипович говорил: «Миша, я всегда был твоим другом и останусь им до конца. Потерпи, Миша, ты же талантлив, и этого у тебя никто не сможет отнять».

— Вы многие годы были рядом, наблюдали его в радости и в горестях. Был он удачлив?

— Он был любим народом и занимался любимым делом. Вряд ли он был удачлив в том смысле, в котором ты спрашиваешь. Я не буду вспоминать трудный путь джаза, а значит, и Утесова. Об этом достаточно написано. Я хочу сказать о другом. Леонид Осипович очень поздно получил те высокие награды, которыми наши власти отмечали признанных артистов. Страдал ли он от такого невнимания? Страдал. Помню, однажды мы были на гастролях — вдруг звонок из Москвы: нам сообщили, что Утесов в списках на Сталинскую премию и что завтра это будет в газетках. Всю ночь не спали. Утром побежали в киоск и... увы! В списках его не было. Потом уже мы узнали, что Сталин лично вычеркнул фамилию Утесова. Или еще: к 80-летию ему сообщили, что «дадут» Героя соцтруда... Заставили собрать документы. Помню, он писал автобиографию, радовался, как ребенок. Не дали. Раздумали. Он уже был не молод и не здоров, потерял близких. Эти «игры» сокращали его жизнь.

— У Утесова остался большой архив?

— Нет, он никогда не вел дневников. Так, на разных клочках любил записывать какие-то поразившие его высказывания или смешные афоризмы. Ну, скажем: «Мода — мгновение, современность — эпоха». «Владыки умирают, художники — бессмертны».

— А анекдоты он любил?

— Обожал. Он даже иные жизненные ситуации пересказывал, как анекдоты. Однажды к нему подошла женщина и спрашивает:

— А правду говорят, что ваша дочь еврейка?

— Да.

— А жена? — с ужасом спрашивает женщина.

— И жена тоже.

— А кто же вы-то тогда будете?

— Я тоже еврей.

— Ой, да шо вы такое на себя наговариваете!

Надо было слышать, как он это рассказывал.

— Тоня, у вас в доме очень много рисунков. Это чье творчество?

— Мое. Я всегда любила рисовать. Леонид Осипович однажды мне в шутку сказал: «Если хочешь у меня что-нибудь по-

